

Если спички дорожают в несколько сотен раз, Советская Социалистическая Республика называется буржуазным государством (независимым и приверженным демократии), а русские народные песни сменяет исковерканный английский сленг, сам Бог велит называть романом цикл отдельных рассказов.

КОЛОДЕЦ

Неизвестная любовь

Снежные склоны хребтов Гиндукуша
В красных заплатах солдатской крови...
Я под огнем перекрестным не струшу
Ради твоей неизвестной любви.

Может быть, смерть мои руки развяжет, –
Я обниму тебя, падая в снег,
Горы высокие небу расскажут,
Как человека любил человек.

Словом прощанья, слезою печали
Издаю не тревожь, не зови,
Лучше останься такой, как в начале
Нашей с тобой неизвестной любви.

Мы не бредили Москвою вечерней,
Не целовались в Нескучном саду.
Не придавай же большого значенья,
Если однажды совсем не приду.

Ближе и ближе чужие халаты.
Все позабуди, мои письма порви...
Как я себя разрываю гранатой
Ради твоей неизвестной любви!

В. Верстаков

Первые поселенцы из Центральной России приехали на голое место. Начали селиться ближе к озеру. Ставили избы, дым смолокуренья стелился над озерной гладью. Другие рубили срубы возле тракта. По тракту гнали в кандалах ссыльных.

Потом началась война с немцами, и мужиков забрали на войну. Обратного вернулись не все, да и те, кто вернулся, успели отвыкнуть от крестьянской работы...

...В гражданскую на зады привезли солому, пригнали политических. Бабы понесли было хлеб и крынки с молоком. Но казаки их близко не подпустили.

Политических били. Били здорово. Бабы роняли слезы в крынки:

– Креста на вас нет!

– Есть, – отвечал пожилой хорунжий и показывал вытасченный из-под гимнастерки золоченый нательный крестик.

Через неделю перешли в наступление красные. На улицах села начали рваться снаряды. И одним из первых

ранило хорунжего. Причем, ранило поганно: в живот. Казак повалился у плетня и смотрел сквозь кровляную мглу на разгорающийся бой. Потом пополз к колодезному срубам.

Бой затихал. Кое-где постреливали еще отбившиеся от своих казаки. Но эскадрон уже начал жить мирной жизнью: первым делом нужно было напоить лошадей.

– Федька! Да здесь казак! – крикнул от колодца молодой веснушчатый паренек. – Сейчас я его!

– Погоди, – остановил тот, кого называли Федькой. – Не навоевался еще? Тащи-ка лучше вожжи.

Хорунжего вытащили. Обступили гурьбой. Загалдели:

– Смотри-ка, замерз, наверное: весь в инее!

– Ишь, у Колчака ряшку отъел!

Да его в пузо ранили!

– Тихо! – скомандовал командир эскадрона, бывший деповец из Омска. – Чё галдите?! Больно человеку.

– Добейте, – прохрипел казак.

– Нет, папаша, мы не звери, – покачал головой комэск. – Таня, перевяжи его.

Хорунжего перетянули бинтом и перенесли в избу напротив. Вошедших встретила древняя старуха.

– Куда его, мать? – спросил Федька. – Ну-ка, кыш! – прикрикнул он на высыпавших ребятишек.

– В общем, так, мать. Выживет – его счастье, нет – судить тебя не будем, – сказал комэск. – Кладите его на печку, хлопцы.

Бойцы уложили белого на печную лежанку, потоптались немного, потом затопали сапожищами к выходу.

– Что, лошадей напоили? – раздался голос командира эскадрона уже с улицы.

– Пить!.. – простонал раненый.

– Сейчас, сейчас, милый! – засуетилась старуха, зачерпывая берестяным ковшиком воду из стоявшего у двери ведра. – Как звать-то тебя?

– Николай. Дай, матка, еще воды.

Старуха опять метнулась с ковшиком к двери.

При ранении в живот пить много нельзя. Чтобы утолить постоянную жажду, раненому только смачивают запекшиеся губы. Но старуха этого не знала: не каждый же день оказываются на печке мужики с развороченным животом. А пить он просит. Все время.

Утром о ночном постояльце напоминала только брошенная в углу шинель.

– Ну, значит, ушел, – решила хозяйка. – И, слава Богу, от греха подальше.

...Красные стояли в селе около недели. Подошло еще два эскадрона. Бойцы набились во все избы, часть спала на сеновалах. Лошадиный помет мешался на центральной улице с осенней грязью.

Дней через пять воду из колодца почти вычерпали. Тогда и наткнулись на труп казака. Первыми заметны стали металлические подковки на каблуках сапог.

Труп вытащили. Боец-мальчишка хотел было пошутить о том, что казаку в колодце понравилось, но почему-то промолчал. Спустя немного времени хорунжего закопали. Но воду из колодца пить больше не стали.

Не пьют её и по сей день.

СЕРВЕНТИНЫЧ

Сергей Валентинович – учитель. Молодой и цветущий, по словам директора школы, и потенциальный кандидат на директорское место, по мнению РОНО.

Дети зовут Сергея Валентиновича Сервентиныч. И в глаза, и за глаза. Сергей Валентинович не обижается. Так ли звали?!

О студенчестве напоминает многое. Да не многое, а все. Даже портфель, ободранный когда-то в автобусе. Но главное напоминание – молодая жена-студентка, приехавшая в гости. «Под крылышко к мужу», – как говорят в учительской.

– Ну ладно, я пошел, Ольга, уже времени много, – сообщает Сервентиныч, ставит на стол стакан и, подхватив портфель, направляется к двери.

Месяц назад, когда молодого специалиста перевели в Константиново из соседнего села, где он год сеял разумное, доброе, вечное, Ольга подала ему ценный совет:

– Вот зайдешь в свой пятый класс и скажешь: «Дети, я ваш новый папа, так и передайте своим мамам».

Сервентиныч за совет благодарил, но последовать ему не успел: по дроге в школу поскользнулся и упал в грязь. Так что первое сентября проходило дома возле жарко натопленной печки.

Сервентиныч курил, сплевывал в ведро с углем и ругал корову из встреченного стада, которая якобы его толкнула...

...За калиткой Сервентиныч достал папиросу, закурил, поздоровался с соседской бабкой, которая вышла было из дома с коромыслом на плечах и теперь остановилась возле крыльца, пережидая, пока пройдет учитель.

Первый урок проходил в классе, в котором Сервентиныч был классным руководителем. Нужно просто не уважать себя, чтобы позволить своему же классу сесть на шею. Так что урок прошел спокойно. Даже настроение поднялось. На перемене Сергей прошел покурить в кабинет директора, пристроился в стоматологическом кресле, стоящем у окна и терпеливо ожидающемся своего часа, который наступал раз в полгода во время посещения школы медкомиссией, чиркнул спичкой и прищурился:

– Шеф, я изобрел новую меру веса.

– Да ну! – Гаврилыч, директор школы, уже успел привыкнуть к Сережиным выходкам. Больше того, такой литератор его устраивал. Есть разница, кто рассказывает детям о Пушкине: вчерашний студент или сорокалетняя учительница, голова которой занята совсем не Пушкиным?!

– Ты знаешь, мои детки потребовали, чтобы к ним в кабинет перетащили из кабинета девятого класса пианино.

И знаешь для чего? Они будут за ним ухаживать: стирать пыль и пресекать рождение музыкальных талантов.

– Ну, и что ты?

– Просто сообщил, что пианино весит примерно 600 килограммов, то есть столько, сколько шесть свиней одновременно.

Гаврилычу определение понравилось.

– Ну, и они поняли, что шесть свиней мы не потащим?

– Да вроде поняли. Ну, все. Звонок. Я пошел.

...Второй урок был в седьмом. Класс неплохой, но возраст – не подарок. Поэтому Сергей начал сходу:

– Ребята, у вас есть платки?

– Есть! – хором ответили семи классники.

– Вот достаньте их и закройте себе рты. Кстати, Шурыгин, там для уроков биологии Владимиру Гавриловичу мозги прислали. Сходи попроси.

И так до конца урока.

Потом были девятый, шестой и педсовет.

К концу дня говорить уже не хотелось.

– Кто куда, а я домой дрова колоть, – попрощался учитель с коллегами.

– До свиданья, Сережа.

...Придя домой, колоть дрова Сервентиныч не стал, а, наслаждаясь прелестями семейной жизни, хлебал приготовленный Ольгой борщ, довольно жмурился от тепла затопленной печки и рассуждал о том, что только его ученики могли сравнить Незнакомку Блока и Бегущую по волнам, Фрези Грант.

КАБАН И ПЕЧКА

Сервентиныч, переехав в Константиново из соседней деревни, оказался, что называется у разбитого корыта: школьная квартира еще не освободилась, а новый учитель уже прибыл. Да не один, а с женой-студенткой, проводящей с мужем летние каникулы.

Что оставалось делать директору школы? Верно. Поселить молодую

семью у себя в доме и начать бегать по деревне в поисках квартиры.

Через неделю квартира нашлась, и Сервентиныч на какое-то время стал частным деревенским домовладельцем. Потом наступила осень, Ольга уехала доучиваться в институте, а Сервентиныч начал вышагивать на работу в школу через всю деревню. На полпути оказываясь затертым встреченным деревенским стадом.

...Как-то после работы Сервентиныч, приняв свое излюбленное горизонтальное положение. Лежал на кровати и в задумчивости созерцал невесть откуда взявшуюся трещину на печке. Пришел хозяин дома за какой-то ерундой из кладовки в сених. Приоткрыл дверь в комнату. Они с Сервентинычем поздоровались, и каждый продолжил заниматься своим делом. То есть Сервентиныч – созерцать трещину. Домовладелец – греметь в кладовке пустыми ведрами.

Через некоторое время мимо окна проплыла хозяйская голова в мятой кепке. А Сервентиныч пришел к выводу, что для ликвидации обозначенной трещины ему понадобятся три вещи: глина, навоз и известь.

Тут-то его внимание и привлекла не прекратившаяся с уходом хозяина квартиры, а почему-то усилившаяся возня в сених. Сервентиныч еще некоторое время созерцал печную стенку, потом сбросил ноги на пол, удачно попал в стоящие у кровати тапочки и прошлепал к входной двери.

...Дверь открылась под дружное хрюканье. Громче всех, что особенно возмущало, издавал эти отвратительные звуки соседский кабан Мишка, опустошавший перевернутое мусорное ведро, распространявшее гадкий запах селедки.

– Ну, Миша, тебе-то уж просто стыдно! – обратился Сервентиныч к кабану, одновременно отвечивая ему внушительного пинка. – Свинья ты свинья, теперь я еще и тапок о тебя испачкал!

Мишка был чрезвычайно неопрятен, и до того, как проникнуть в сени к Сер-

вентинычу через незатворенную калитку, он нежился под лучами уже неяркого сентябрьского солнца в огромной луже, залившей половину улицы.

Дальнейшие события развивались стремительно и в логической последовательности: больше других досталось, конечно, Мишке. Причем, домашние тапочки больше опасности не подвергались: Сервентиныч предусмотрительно переобулся в выходную деревенскую обувь: черные резиновые галоши.

– Ну что?! – спросил он у свинячьего выводка, снова выходя в сени, – Мишка! Иди сюда!

Мишка на призыв Сервентиныча не отреагировал и, наверно, правильно сделал: свои хозяева надоели.

Но свои-то о Мишке заботились: картошку с крапивой варили, сарайку Мишкину время от времени чистили, гулять вот выпустили. А сосед? Сервентинычу Мишкин окорок после его насильственной смерти не улыбался. Поэтому и вел он себя соответствующе: гнал Мишку пинками до самой калитки, так что в конце концов тому даже визжать надоело.

Наконец, оказавшись за оградой, кабан с достоинством хрюкнул, как бы ставя точку в затянувшемся споре, и направился в сторону упомянутой лужи. Сервентиныч же, усевшись же, усевшись на завалинке, принялся в уме подсчитывать потери, понесенные им в результате описанных событий. Потери были ощутимые: опустошенное мусорное ведро, изжеванная простыня, только что постиранная, испачканный тапок, и, конечно, моральная травма.

Но, главное, был прерван последовательный ход полезных мыслей. Теперь нужно было либо вообще плюнуть на печные работы, либо приступить к ним немедленно.

«А ну её к черту, эту печку», – решил Сервентиныч.

Потом сгрел из поленицы охапку дров и пошел в дом. Сервентиныч, когда расстраивался, всегда печку топил.

ЗИМА

Просыпаясь по утрам, Сергей Валентинович, вялый и заторможенный со сна, берет со стула одежду, подходит вплотную к печке и начинает одеваться.

Потом, еще не проснувшись, учитель подходит к столу и переворачивает листок перекидного календаря, бормоча про себя: «Боже мой, каждый день, и так каждый день».

После закуривается папироса, пьется кофе из термоса, и Сергей Валентинович выходит за дверь, бормоча про себя: «Четвертый класс не смог подобрать антоним к слову «будни». Хм, у них каждый день – праздник...»

Школа в Константинове – большой одноэтажный дом. По одну сторону коридора, тянущегося во всю длину помещения, – двери классных комнат, по другую – окна, выходящие на школьный двор и футбольное поле.

Параллельно школе располагается еще одно здание. В нем – мастерская с токарным станком и циркуляркой и гараж с грузовиком. Чуть поодаль – школьная кочегарка.

Школа имеет два административных помещения: кабинет директора и учительскую. В первом любит собираться мужская часть педагогического коллектива, представленная кроме директора и литератора преподавателями истории и автодела.

Во втором на переменах идет активный обмен деревенскими новостями между сельскими учительницами.

Сегодня дверь в директорский кабинет закрыта, и Сервентиныч волей не волей располагается на «женской половине». Листая за столом классный журнал, он время от времени поднимает голову, здороваясь с собирающимися коллегами, потом снова углубляется в свое занятие. Спустя некоторое время, Сергей Валентинович захлопывает журнал, отодвигает его на край стола и, сцепив руки на затылке, говорит, не обращая ни к кому конкретно:

– Ну что ты будешь делать? Не могу проснуться и все.

В ответ высказываются предпо-

ложения о наступлении авитаминоза, звучат советы есть побольше овощей и моченой брусники, а также не засиживаться над книжками допоздна и ложиться спать пораньше.

– Что у тебя – семеро по лавкам? – спрашивает географичка, – Затопил печку – и в койку.

– И смейся во сне, – добавляет Сервентиныч. – Знаете, что сегодня приснилось? В жизни не поверите. Фраза приснилась. Не жена, не ученики, даже не Гаврилыч, а фраза: «В наших местах жулики по-прежнему воруют только алмазы и домашнюю птицу...»

– Ну ты же литератор, – засмеялась географичка, – для тебя это нормально.

– Бабоньки! – воскликнула, стремительно входя в комнату, сорокалетняя пионервожатая. – Председатель говорит, сегодня в магазин водку завезут.

Завоз водки в сельмаг был для деревни событием. Нечастым и потому значительным. Весной и осенью из-за раскисшей дороги невероятным, летом из-за полевых работ невозможным, зимой – эпизодическим и взрывоопасным.

После появления грузовика со штабелем бутылочных ящиков в кузове деревня неделю ходила пьяная, праздная и какая-то растрепанная.

– Ну, водку привезут, точно кто-нибудь сдохнет, – сказала географичка. – Или прирежут, или захлебнется.

– Ой, а вдруг мой мужик?! – воскликнула завуч, дородная женщина лет пятидесяти.

– Нет, Клава, – возразила пионервожатая, – твой не захлебнется. Возраст не тот, а вот из молодежи кто-нибудь – запросто. Пить-то не умеют.

Это была правда. Пить не умели. Впрочем. Если бы только пить! Не умели еще очень и очень многого. Но если трезвые как-то прятали это свое неумение, у пьяных оно выпячивалось и било в глаза.

– Вы знаете, – попытался сменить тему Сервентиныч, – я тут попросил восьмиклассников составить дома по два сложноподчиненных предложения. Вчера проверял тетради, так просто

душой отдыхал и проникался самоуважением: «Сергей Валентинович поразился, что Витя сделал домашнее задание...»

Тема о предстоящем прибытии грузовика с водкой на какое-то время была забыта, и разговор перекинулся на дела школьные, текущие.

– Да, ты зачем, Сережа, пришел-то? – спохватилась завуч, – Я же тебя по субботам обещала с утра ничего не ставить.

– Обещали, – подтвердил Сервентиных. – Но после чего обещали? – спросил он, улыбнувшись с каким-то зловещим оттенком.

– Ах, этика, – вспомнила Клавдия Васильевна.

– Она самая, – кивнул Сервентиных. – Помните?

Клавдия Васильевна помнила. Да и как было не помнить, в какое дурацкое положение они с директором были поставлены в начале учебного года. «Этика и психология семейной жизни» – ничего себе нововведение в школьную программу!

– Вот пусть молодой-интересный и ведет, – решил Гаврилыч. – У него жена молодая, ему и карты в руки.

И Сервентиных начал преподавать новую науку. Без особого восторга, правда, но старательно, в тайне лелея в душе мысль о том, что у него теперь в общении со школьной администрацией появился явный и неоспоримый козырь. О наличии последнего он сегодня и напомнил.

В самом деле, какой нужно было самоотверженностью обладать, чтобы ради этой ерунды притащиться в школу к первому уроку! Да еще в субботу, когда на исходе рабочей недели, учить детей уже не было ни сил, ни желания, а уж заниматься просветительством в области семейных отношений – тем более.

Как бы там ни было, новый предмет был включен в учебный план и требовал к себе равного с прочими предметами отношения. Поэтому, дослушав до конца звон большого медного колокольчика в коридоре, Сергей

вздохнул, подошел к полочке с классными журналами и, вытащив журнал девятого класса, шагнул к двери. После, пройдя весь коридор, остановился напротив кабинета девятого класса, немного помедлил, отворил дверь и шагнул через порог.

Ученики встали из-за парт.

– Здравствуйте, – сказал Сервентиных. – Садитесь.

Прошел к учительскому столу, положил на него журнал и, сев сам, добавил:

– Дети...

– Тема сегодняшнего урока: «Взаимоотношения в семье». Иди, Оля, пожалуйста, напиши на доске: у тебя почерк самый красивый.

Пока девятиклассница аккуратно выводила мелом тему урока, Сервентиных задумчиво смотрел в окно. Через минуту требуемое предложение было написано, ученица прошла к своему столу, а Сергей обратил взор к классу.

– Итак, – начал он свою вступительную речь, – Будем отгалкиваться от известного постулата Маркса, что семья – это ячейка общества. То есть если дом построен из кирпичей, от качества этих кирпичей не в последнюю очередь будет зависеть, как долго он простоит. О качестве строительного материала мы сегодня и поговорим. И так, в прошлый раз мы остановились... На чем, Ира, мы остановились? – перебил Сервентиных самого себя, памятуя о том, что говорить, по-возможности, должен тот, кого учат, а не тот. Кто учит.

Ира, симпатичная, уже физически сложившаяся девушка, поднялась из-за стола и, подавив чуть смущенную улыбку. Закрыла тетрадь с домашней работой по алгебре, которую добросовестно переписывала из другой тетради.

– Перед звонком мы говорили о том, как вы относитесь к проституткам, и что нужно сделать для того, чтобы понравиться другому человеку.

– Так, и звонок нам помешал, – добавил Сервентиных. – Ну что? Вернемся к поставленным вопросам?

– Вернемся, – одобрительно загудели девятиклассники.

– Итак, я считаю, что проституция, современная проституция, – уточнил Сергей, – Имеет две исходные точки. Вернее, преследует две цели: удовлетворение полового инстинкта и удовлетворение социальных потребностей. Какая из них более аморальна – судить не берусь. Вам уже приходилось сталкиваться с чем-либо подобным?

– Это как сказать, – подал голос ученик с последней парты.

– А как есть, Сережа, так и говори, – посоветовал Сервентиных.

– Вы Машку Якубову знаете? – спросил девятиклассник.

Маша Якубова была ученицей восьмого класса, и Сервентиных не знает ее просто не мог, потому что в этом классе занимался просветительством пять раз в неделю.

– Риторический вопрос, – заметил он. – И что же Маша?

Вот это действительно был риторический вопрос. Маша – невероятно тощая и глупая семнадцатилетняя девушка являлась в школе притчей во языцех.

– Маша очень любит песню: «Маша, Маша, три рубля и ваша», – сообщил девятиклассник. – А поет она ее перед сном, расхаживая по коридору интерната.

– Ну и какой вывод? – спросил Сервентиных.

– Явная тяга к удовлетворению полового инстинкта, – заметил девятиклассник.

– Да, пожалуй, – подтвердил Сервентиных.

«Боже, – подумал он про себя, – Какой ерундой я занимаюсь. Впору научный труд писать: «Учитель в стране, пережившей монголо-татарское иго».

– Ну хорошо, будем считать, что конкретный пример мы рассмотрели, – согласился он. – Перейдем к общей картине.

– Подождите, – возразил ученик. – Вы на вопрос-то не ответили: как вы относитесь к проституткам?

«Вот гад», – подумал Сервентиных.

– Если использовать шахматную

терминологию, Сережа, – сказал он вслух, – Будем считать, что ты поставил мне шах. Но, могу тебя заверить. Мата не будет. И не будет вот почему: я обладаю большим объемом знаний и большим объемом информации, чем ты. Как я отношусь к проституткам? Как к людям, живущим в одном с нами обществе. И это общество больно.

– Вот ты бы, Люда, смогла бы положить Анциперову в двенадцать этажей? – поинтересовался он у девчонки, сидящей за первой партой.

– Одна минута, – завершила та.

– Вот, – удовлетворенно кивнул Сервентиных, – и эта твоя способность называется одним, уже приевшимся термином: эмансипация. В последнюю войну погибло так много мужчин, что женщинам поневоле пришлось занять в обществе места многих из них. Занять места и перенять отдельные, часто не лучшие, черты «мужественного поведения».

Теперь посмотрим, что же произошло с мужчинами?

– Обабились, – подал кто-то голос.

– Верно, – подтвердил Сервентиных.

– И запились, – добавил он. – А если учесть, что многие женщины стали вести себя, как мужчины, то не известно, кто пьет больше. Да вы спросите у Маши, кто у нее в семье больше пьет: папка или мамка?

Звонок прозвенел неожиданно.

– Ладно, – подвел черту Сервентиных – Слушайте домашнее задание. Учитель говорит ученице: «Оксана, ты непорядочный человек». Ученица отвечает: «А не докажете». Подготовить аргументированный ответ на вопрос: «Почему учителю не нужно доказывать свою мысль?» Все, можете быть свободны.

– Ну что, Сережа, отстрелялся? – спросила географичка, когда Сервентиных перешагнул порог учительской.

– Всё. Теперь до понедельника, – ответил учитель.

Вытащил из кармана шубы пачку папирос, спички, потом вышел за дверь и направился к уже открытому кабинету директора...

СОН

Сергей Валентинович, работая в деревне, вел довольно-таки беспорядочный образ жизни: спать ложился, когда придется; в выходные, когда не нужно было торопиться в школу, на урок, вставал когда попало. Когда же в школу идти все-таки было нужно, компенсировал ночной недосып дневным сном: затопливал печку, которую приезжавшая на каникулы жена аккуратно обмазала глиной, и заваливался на железную кровать, запроваленную солдатским одеялом.

Ну и можете себе представить, какая ерунда ему периодически снилась! Продрав глаза, Сергей Валентинович сел к столу и аккуратно заносил в записную книжку только что увиденный шедевр. А, надо сказать, что снились ему исключительно шедевры. Композиционно выстроенные, наполненные символикой и биологией. Можно даже предположить, что в записную книжку они заносились исключительно с целью будущего литературоведческого анализа. К тому же, еще в студенчестве, Сергей Валентинович одолел книжку Зигмунда Фрейда «Пять лекций о психоанализе», и с тех пор его явно занимала проблема бессознательного в человеческом поведении.

Но, ближе к делу. Вот одна из записей:

«Лег днем спать и увидел сон. Снилось Аллочка Шмидт. Встретились мы с ней в каком-то городе, похоже, в аэропорту. Она взяла меня под руку, и мы пошли по улице. Аллочка была очень грустная, нет, скорее печальная. Из разговора я узнал, что она вышла замуж. Тут внезапно навстречу попался Аллочкин муж, здоровый битюг, который направлялся в баню. Между ними произошел небольшой разговор:

Аллочка:

– Скоро вернешься?

Битюг:

– Минут через двадцать.

(Время во сне размывается, мы как раз направляемся в сторону её дома, до которого несколько автобусных остановок).

Прходим еще несколько шагов, Шмидт кладет мне на плечо голову и говорит:

– Давай на время забудем о своих обязательствах.

Я предлагаю сесть на автобус, так как у нас мало времени.

Испытываю ряд чувств: боюсь мужа, беспокоюсь в связи со скорым отъездом (нужно зайти на вокзал, мимо которого мы поедим, и купить билет) и еще множество различных противоречивых оттенков.

...Сергей Валентинович свои деревенские записи так и не подверг литературоведческому анализу, хотя за минувшие годы (да что там годы – десятилетия!) сделать это, конечно же, было можно. Да и, наверное, нужно: зачем-то же это все писалось! Я же этого делать не буду по одной веской причине: хватит и того, что я спёр (правда, на время) записную книжку. Дали посмотреть вместе с другими бумагами, а я взял и опустил в карман.

Замечу только, что человеческая натура действительно неисповедима. Ну, сами посудите, Сервентиных, наверное, и лица своей однокурсницы не помнит. Но записную книжку (да и, подозреваю, не только ее) на глаза Ольге Анатольевне не выкладывает.

Впрочем, наверное, и правильно делает. Ибо непредсказуемо поведение женщины. Непредсказуемо и необъяснимо.

Март 1995.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Вот уж никогда не думал, что может лишиться покоя маленькая записная книжка. И, тем не менее, факт остается фактом. Стоило мне прикарманивать деревенские записи Сервентиных, как я, волей-неволей, начал выстраивать в мозгу цепь событий из его деревенской жизни. Почему? Зачем? А черт его знает.

Может потому, что меня в будущем самого ожидает нечто подобное, и я стремлюсь, так сказать, перенять опыт. А может потому, что эта зеле-

ная записная книжка – действительно литературное произведение. Повесть, написанная подтекстом.

Еще раз говорю: не знаю. Знаю только то, что написанное в ней нужно читать. Читать так, как читают книги.

...Начинаются записи со следующего текста, который Сервентиныч придумал еще будучи студентом:

«ОБЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ РЕКЛАМЫ

Симпатичный, авторитетный мужчина, 22-х лет, без определенных занятий, ищет подругу жизни».

Я не знаю, каким авторитетом обладал автор записи в 22 года, но вот то, что все годы учебы в институте студент Верстаков «не имел определенных занятий» – совершенно достоверный факт. По рассказам, он вообще занимался исключительно охраной объектов народного хозяйства, подрабатывая сторожем. Однако, должен открыть секрет, Сервентиныч имел одну, но пламенную страсть: русский фольклор. Поэтому, после избавления от очередной партии хвостов и в преддверие получения новых, Сервентиныч раскатывал по области, знакомился в деревнях со старухами, пил медовуху и записывал песни, былички, сказки и мемуары.

Можно представить, с каким удовольствием Сервентиныч делал свою первую деревенскую запись:

«О прибывающих в деревню фольклористах.

– Фольклор едет. Опять твою мамку на берег поведут...»

Сервентиныч в первые дни после приезда в деревню в ожидании предоставления положенной квартиры обитал в пустовавшем во время летних каникул школьном общежитии-интернате. Спал на белоснежной крахмальной простыне, питался тем, что приносила директор школы и, в перерывах между чтением, посиживал в интернатовской столовой перед черно-белым телевизором. Ожидающийся приезд фольклорной экспедиции обещал несколько разнообразить его жизнь. Благо, приезжающие в деревню

фольклористы имеют обыкновенные именно в интернате и останавливаться (гостиницы-то, как правило, нет).

Экспедиция вскоре приехала и, не смотря ни на что, занималась она исключительно сбором и прослушиванием песен, а Сервентиныч специализировался на народной прозе, первые его деревенские дни были скрашены совместным проживанием и общением с «коллегами».

Вскоре, однако, нашлась квартира для молодого учителя, и Сервентиныч переехал на новое, теперь уже постоянное, место жительства.

А еще через неделю начался учебный год.

Ну, что такое работа учителя – хорошо ли, плохо ли – знают все. Рядовой учитель находится меж двух огней: с одной стороны – дети и их родители, с другой – школьное начальство со своими требованиями. От учителя требуется: а) написание поурочных планов; б) систематическая проверка тетрадей; в) проведение дополнительных занятий с отстающими учениками; г) проведение внеклассных мероприятий по преподаваемому предмету и т.д., и т.п.

Кроме того, надо заметить, что в деревенской школе, из-за небольшого количества учителей, все они, вплоть до преподавателя физкультуры, являются классными руководителями. Сергей же Валентинович, в связи со свободной вакансией, дополнительно к классному руководству в девятом классе, был назначен заместителем директора по воспитательной работе. Плюс седьмой, восьмой, девятый, десятый классы и отсутствие поурочных планов.

Сейчас Сервентиныч очень не любит вспоминать свой первый год работы учителем. Учтя вышесказанное, я эту нелюбовь очень хорошо понимаю. Видимо, кроме повседневной школьной рутины просто и вспомнить нечего.

Кстати, и в записной книжке за весь год появилось только две записи:

«В ВОСЬМОМ КЛАССЕ

Учитель:

– Оксана, ты непорядочный человек.

Ученица:

– Не докажете...»

И еще одна:

«ИЗ ТЕТРАДИ СЕМИКЛАССНИЦЫ

Сергей Валентинович поразился, что Витя сделал домашнее задание...»

В общем, дотянул Сервентиныч до лета, уехал в отпуск, женился, а потом, в конце лета, явился с молодой женой к заведующей РОНО. Заведующая так была поражена самим фактом возвращения «молодого специалиста», что тут же, без колебаний, подписала приказ о его переводе в Константиново, чем, кстати, избавила школьное начальство (да и саму себя) от решения весьма щекотливого вопроса. Коллега Сергея Валентиновича, вместо которой он год трудился, и вышла из отпуска по уходу за ребенком. «Молодого же специалиста» школьная администрация обязана была обеспечить работой по специальности. Ну, а где эту работу взять? Уволить односельчанку?

Так что по возвращении Сервентиныча из отпуска заведующая РОНО и директор сельской школы последовательно два острых чувства: напряжения и облегчения.

Сервентиныч первого, то есть напряжения, не испытал. Облегчение же от переезда в Константиново было налицо. Как на работе, так и в быту.

Кроме того что работать предстояло в младших классах, деревенское существование скрашивали пельменная и три магазина (продовольственный, хозяйственный и книжный). Вдобавок ко всему через Константиново проходила автотрасса, по которой на директорской легковушке или попутках можно было уехать в райцентр или к однокурснику в соседний район (а путешествовать Сервентиныч со студенческих лет просто привык).

И, наконец, самое главное, Сергей Валентинович в конце концов получил возможность заняться тем, ради чего, собственно, и поехал в деревню

по окончании института: а именно, преподаванием детям литературы. Записями на эту тему записная книжка просто пестрит.

«Вчера, прочитав на уроке «Бородино», спрашиваю:

– Ребята, какое чувство вызывает у вас это стихотворение?

Встает девочка и говорит:

– Здесь, Сергей Валентинович, и горе, и радость.

Ну я, конечно, подхватил и пошел, и пошел... А сам, грешным делом, про себя думаю: «Какого черта? Она и так все сказала».

Или:

«Сегодня на факультативе я был в очередной раз сражен. Как-то, я сам не знаю, получился просто разговор:

– А вот «Двенадцать стульев»...

– А вот, вы еще читали?!

Я рассказывал про Ильфа и Петрова, про Шерлока Холмса, даже объяснил основной закон диалектики на примере «Снежной королевы» Андерсена. А потом разговор перескочил на «Бегущую по волнам» Грина. Я проводил урок внеклассного чтения месяца два назад. Говорил весь урок со стенами. И вдруг...

– А вы знаете, они похожи: Незнакомка Блока и Бегущая по волнам, Фрези Гранд...

Это было уже слишком. Я отложил разговор до следующего факультатива».

Как-то, еще в бытность Сервентиныча студентом, его однокурсник, находясь под впечатлением летней педагогической практики, произнес во время перерыва между занятиями монументальную фразу:

– Мы не вожатые, мы – учителя.

Сервентиныч придерживался такого же мнения, тем не менее, стряхивая пепел с папиросы, поинтересовался:

– Именно поэтому тебя выгнали на седьмой день работы в пионерском лагере?

– Да, я понял это раньше тебя, – парировал однокурсник. (Самого-то Сервентиныча выгнали на девятый, и они вместе еще неделю жили в пустовав-

шей палате у третьего практиканта).

Однако, приехав работать в деревенскую школу, Сергей Валентинович убедился в ложности прежних представлений об учебном процессе. Детей необходимо было не только учить, но и воспитывать. Причем воспитывать, часто заменяя воспитание родителей.

Кому-то было некогда заниматься своими детьми, кто-то не умел ими заниматься, а кто-то просто не хотел. Так что в совете Ольги Анатольевне начать знакомство с детьми в новой школе с монументальной фразы: «Дети, я ваш новый папа, так и передайте своим мамам», — имелось рациональное зерно.

Из детей, хороших и не очень хороших, в поведении и характере которых уже начали всплывать семейные конфликты и дрязги, Сергею Валентиновичу предстояло сколотить единый коллектив. Причем коллектив управляемый.

В общем, Сервентиныч оказался в роли целинника: паши и сей — не хочу. И он начал пахать, о чем записная книжка ярко свидетельствует:

«Мороз разрисовывает окна своей волшебной кистью. Он рисует то, что видит в своем ледяном царстве...»

Или: «Сергей Валентинович, а смерть — живая или мертвая (т. е. одушевленная или нет)?

С конфликтами в семье вопрос тоже решался ясно и четко: «Капитон, к счастью, спился...»

Однако, Сергей Валентинович к окончанию своих положенных после института трех деревенских лет, похоже, стал выдыхаться: он и записки завклубом пишет, чтобы его учениц на индийский фильм пустили, и по поводу снов с удущением и остановкой сердца замечает, что записывать их не хочет, поскольку на занятия фрейдизмом нет ни времени, ни желанья.

Я так думаю, что Сервентиныч просто устал. Устал смертельно. И, прежде всего, устал от одиночества.

Русская деревня устроена так, что любого приезжего человека заставляет жить по-своему, так, как привыкла жить она. Поэтому перед чужаком

только два пути: либо принять уклад местной жизни и сделать его своим укладом, либо, как перекасти-поле, быть унесенным ветром. Хорошо, если чужак хотел и смог как-то изменить, улучшить деревенскую жизнь. Не хотел, не смог — тоже не беда. Стояла деревня сотни лет до него, и после него будет стоять. Плохо, если чужаку, отторгнутому деревней, больше податься некуда. Его так всю жизнь и будет катить ветром вдоль дороги. А Сергей Валентинович? У Сергея Валентиновича были родители и жена в городе. Как это Высоцкий пел? «Потому что всегда, потому что всегда мы должны возвращаться...» Вот и Сервентиныч вернулся.

«В МАГАЗИНЕ.

Привезли копченую колбасу.

Я:

— Почем колбаса?

Продавщица:

— Семь пятьдесят.

Я:

— Дорого...

Продавщица, явно намекая на мое городское происхождение:

— Зато без блага...

Я:

— Дайте мне лучше консервов».

31 июля — 5 августа 1995 г.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Дачное существование истомило. Дедушка с бабушкой после обеда спали на веранде. Ольга с дочерью принялись было собирать красную смородину, но помешал сын.

Витька, младший, ухватился за семейную тележку и самостоятельно собрался ехать домой, в город.

Пришлось перехватывать его уже возле самой железнодорожной насыпи, куда Витька умудрился подняться. Причем, направлялся он в противоположную от станции сторону.

— Ну и куда ты собрался? — спросила Ольга...

— Знаете что, — решила она, — Пойдемте лучше в лес. Все равно, Витька, электрички пока не будет, хоть прогу-

ляемся. (Электричка, конечно должна быть, но другого способа уговорить сына отказаться от своей затеи Ольга просто не видела: надо же быть таким упрямым!)

Витьке идея понравилась:

– Ладно, поеду позже, – сказал он.
– Только, чур, я пойду первым.

На том и порешили. Ольга быстро собрала корзинку с продуктами, поставила сверху литровую банку молока и передала корзинку Тане.

...По дороге в лес зашли на сельское кладбище. Начали осматривать памятники, потом сели отдохнуть на уютную скамеечку под тремя березками.

Поговорили о том, как хорошо сидеть под березками на лавочке. Потом разговор зашел о том, почему люди умирают. Таня назвала три болезни: рак, СПИД и менингит, – но последнее слово она плохо выговаривала.

– А еще когда клещ укусит, – сказал Витька. – Вот сейчас на нас клещи упадут, укусят, и мы умрем.

– Да, умрем, – стали дети развивать тему. – И закопают нас тут, и таблички поставят, и напишут: «Виктор Сергеевич, четыре года», «Татьяна Сергеевна, пять лет», «Ольга Анатольевна, 27 лет». Потом придут дедушка с бабушкой и папой, увидят таблички, упадут и умрут. И напишут на табличках: «Галина Ильинична, 54 года», «Валентин Эдгардович, 52 года», «Сергей Валентинович, 31 год». Потом придут соседи по даче...

– Все-все, хватит! – попыталась Ольга остановить конец света.

Но не тут-то было.

– Увидят таблички, попадают и умрут, – развил Витька Танькину мысль.

– Придут люди из деревни, – продолжала Танька.

– Вить, – обратилась Ольга к сыну, – Ты не передумал еще ехать домой?

– Передумал, – сказал Витька. – Куда я поеду. Если мне и здесь весело?!

– Приедут люди из города, – между тем продолжала заливаться Танька.

«Ну надо же, – подумала Ольга. – Кому только рассказать, что мы

спаслись от дачной скуки на сельском кладбище!»

И тут женщина вздрогнула: на пястье сидел самый что ни на есть настоящий клещ.

ПОГОДКИ

1. Витька и Танька – брат и сестра. Погодки. Таньке – пять лет, Витьке – четыре.

По утрам Витька приходит к Таньке в комнату, садится к ней на кровать и говорит:

– Ну что, Танька. Пришло твое горе?!

– Уйди, – прости Танька.

– Ну, конечно, – говорит Витька. – Зря я, что ли, вставал в такую рань?

Танька думает, что не зря и поэтому пытается спастись от утренней щеколки под одеялом.

Если не удастся – бежит к кровати матери...

2. ...Витька и Танька – брат и сестра, погодки. Таньке – 20 лет, Витьке – 19. По утрам Танька подолгу торчит у зеркала: причесывается, красит ресницы, накладывает тени.

Танька – студентка третьего курса пединститута. Пока не замужем. Витька – второй год в армии. Скоро вернется.

Вчера Танька получила письмо от брата:

Татьяна, здравствуй!

Большой привет тебе из Кабула.

Вот отвечаю на твое письмо. У меня все нормально.

Служба перевалила экватор и пошла на спад. Вот уже второй год я в Армии.

Даже не верится. Вроде недавно встречали 1 мая 1980 года, а сейчас 1981-й. Но в то же время сколько нам пришлось пережить за этот год?!

Первый год – самый трудный, потому что молодой, а второй легче (все же уже старослужащий). Вот скоро (через пять дней) улетят наши дембеля. У нас здесь они позже демобилизуются.

В Союзе – с 15-го апреля, а у нас – с 15-го мая. И тогда нам будет неплохо.

А то чуть что, так сразу молодого зовут.

Вот уже полгода я в ДРА. Все солдаты и офицеры только и мечтают о выводе. Ведь у них семьи остались в Витебске, а они полтора года здесь.

Погода довольно плохая для нас – +30, жара, а будет +50.

Представляешь, какая духота в палатке?! Стоишь на посту, и пот в три ручья бежит. Красота.

Мы сейчас пока временно в караул не ходим: начались сборы снайперов. Зато на праздники – первого, второго и девятого, десятого мая, когда все отдыхали, нас впахали в караул. Вот такой подарок.

Танька! У меня к тебе просьба. Не рассказывай особо никому, что я в Афганистане, а то до матери дойдет, и она очень расстроится. Она же не знает, где я, а ведь тут не Союз, здесь война.

Да и Сервентиныча зачем дергать? Школы ему мало, что ли?

Ладно. До свидания. До встречи.

Виктор. 12.05.81.

3. ...Таньке – 32. Работает она в школе, преподает историю. Не замужем.

УТРО

1. Ленке – два с половиной года. Чудо ребенок! Кудрявый, конопатый и непоседливый. Утро для Ленки начинается с уходом на работу папы. Проснувшись от шелканья в замке ключа, закрывающего входную дверь, Ленка еще некоторое время лежит в постели, потягиваясь во сне. Потом к ней на подушку запрыгивает кот Гога. С Гогой долго играть нельзя: обычно он начинает царапаться и кусаться. Тогда Ленка прогоняет кота на пол и шлепает на кухню узнать, что сегодня будет на завтрак. После – умывается, завтракает и идет с мамой гулять.

Сегодня уход отца Ленка проспала. Когда Татьяна зашла в комнату, Ленка только-только продирала глаза.

– А папа давно уже ушел, – сообщила Татьяна.

– Только не реви, – добавила она, увидев, как скривилось Ленкино личико, – он обещал позвонить.

«А все Гога – не разбудил», – подумала Ленка, подставляя ладошки под бегущую из крана струю воды.

– Интересно, – говорит Татьяна, стоя в дверях ванной, – за что ты любишь папу?

– За шеню, – сообщила Ленка.

– Ладно, – засмеялась Татьяна, – иди кашу ешь, и – на улицу.

У подъезда старушка с третьего этажа выгуливала собаку. Маленькую, невзрачную, но пытающуюся подчеркнуть свою значимость громким лаем на каждого прохожего. «Господи, – подумала Татьяна, – И откуда что берется?»

– Ну, Ленка, – присела она на корточки напротив дочери. – Какие буквы ты уже выучила?

– А, о, е, и, – сообщила Ленка.

– Ой, мама, смотри: буква А висит! – закричала девочка, указывая пальчиком на висящую на бельевой веревке прищепку.

– Да, действительно, похожа, – согласилась Татьяна. – А теперь давай искать букву И.

Буква И нашлась на дереве. Правда, у нее не было одной палочки. Да и то сказать, не могут же деревья расти такими зигзагами, которые приходится выводить карандашом, рисуя эту букву. Но Ленка с Татьяной согласилась, что одну палочку можно дорисовать мысленно. Потом принялись было искать две оставшиеся буквы, но помешали мальчишки. Собравшиеся в кучу и что-то обсуждавшие, они вдруг разом закричали и побежали в разные стороны.

Пошел первый снег. «Октябрь, – подумала Татьяна, – еще два месяца – и у Саши каникулы».

– Мама, мама! – закричала Ленка, – Смотри: вата! Все пальто тебе запачкало!

– Она, Лена, растает, – улыбнулась Татьяна.

– Вот придем домой, повесим пальто на вешалку, и вата растает. Кстати, пошли-ка домой, я уже что-то замерзла.

– Ну, мама, еще немножко! – начала канючить Ленка.

– Пойдем-пойдем, там Витька один с бабушкой.

2. Витька сидел у балконной двери, на коврик, и раскладывал кубики. Гога лежал рядом, у багареи. Изредка кот вытягивал то одну, то другую лапу и пытался дотянуться до одной из привлекательных деревяшек. Тогда Витка стискивал ручонками понравившийся Гоге кубик и прятал за спину. Увидев сестру с матерью, пришедших с улицы, Витька поднялся на ноги и побежал в коридор.

– Уходи-уйди, – сказала Татьяна. – Мы холодные. Вот разденемся и будем чай пить: я вчера торт купила.

Судя по всему, Татьянино сообщение о торте очень понравилось Ленке. Торт Ленка любила.

– Ты знаешь, мам, – принялась щебетать она, стаскивая с плеч шубку. – Вот Витька сейчас маленький, он мальчик. Когда подрастет, будет девочкой. Я тоже маленькая была мальчиком и не совсем хорошо понимала, какая вкуснятина торт.

– Думаю, это понимают даже мальчики, – улыбнулась Татьяна. – Правда, Витька?

Витька еще не умел разговаривать, но, судя по его лицу, слова «торт» и «вкуснятина» ему очень нравились.

Зазвонил телефон.

– Ну, что я тебе говорила? – спросила Татьяна. – Вот и папа звонит.

– Привет-привет, – это уже в трубку. – Да вот только что с Ленкой с улицы пришли. У нас новости. Оказывается, Ленка маленькая была мальчиком, а Витька, когда подрастет, станет девочкой. Представляешь? Я так и думала, что не представляешь. Хорошо, сейчас позову. Держи, тебя, – сказала она, протягивая трубку дочери.

Ленка по телефону разговаривать очень любила. Впрочем, она, похоже,

любила все. Брата Витьку любила, Гогу /когда не цапался/ любила, гулять любила, а уж о торте и говорить нечего! С сообщения о последнем она и начала свой разговор:

– Папа, а у нас торт! – закричала Ленка в трубку.

– Лена, тише, папа оглохнет, – пыталась урезонить Татьяна.

– Гуляли, – продолжала болтать Ленка, – С неба вата падает.

– Пойдем. Витька, чай кипятить, – позвала Татьяна. Потом опять засмеялась: Саша, видно, спросил о Витьке, и Лена, думая, что того будет видно, поднесла к нему телефонную трубку. После отдала ее Татьяне.

– Ну как, Саша, наговорились? – спросила она. – Да, фантазия на зависть. Сейчас чай будем пить. Сознание материально? Ладно, как-нибудь расскажешь. Ну, пока? – Татьяна положила трубку на рычаг, затем прошла в большую комнату, достала из серванта чайные чашки.

– Галина Петровна, идите чай пить, – позвала она свекровь и понесла чашки на кухню.

3. Через час Татьяна стояла у кухонной раковины и мыла грязную посуду. Галина Петровна укладывала Витьку и Ленку спать.

«Наверное, дедушки и бабушки потому так любят заниматься воспитанием внуков, – размышляла Татьяна, протирая полотенцем вымытое блюдо, – что бессознательно стремятся использовать возможность не повторить педагогических ошибок, допущенных при воспитании детей».

– Ну все, спят, – сообщила Галина Петровна, заходя на кухню.

– Таня, я хотела с тобой поговорить, – сказала Галина Петровна минуту спустя, присаживаясь на стул, стоящий возле окна.

– Да-да, – откликнулась Татьяна.

– Что у вас произошло с Сашей?

Татьяна усмехнулась. Поставила в сушилку очередную чашку. Тряхнула головой.

– А что, собственно, могло произой-

ти, Галина Петровна? Вы же знаете, мы давно живем каждый своей жизнью: он – чужими детьми, я – нашими.

Женщины помолчали.

– Таня, зачем Саша звонил? – зада-ла Галина Петровна мучавший ее все утро вопрос.

– Ах, Галина Петровна, – Татьяна тяжело вздохнула, – я не знаю. Понимаете, когда Саша валит Ленку на кровать, начинает ее щекотать и заставляет кричать слово «беда», я хочу верить, что он без нее не может жить. Все остальное время я не могу в это поверить.

– Ладно, Танюша, – Галина Петровна поднялась со стула, – Считай, что этого разговора не было. Хорошо? Только пойми меня, пожалуйста, правильно, – я мать и бабушка. Саша и Ленка – то, что остается на земле после моей смерти. А умереть я хочу спокойно.

– Ну что вы о смерти, Галина Петровна?! – Татьяна поправила упавшие на лоб волосы. – Вон какое утро сегодня! И с Сашей у нас все будет хорошо.

– Ладно, Таня, я пойду в комнату.

Галина Петровна вышла из кухни, плотно прикрыв за собой дверь. Татьяна еще какое-то время домывала посуду, гремя чашками и блюдами. Потом закрыла воду, вытерла полотенцем руки, прошла в их с Сашей комнату, легла на кровать и заплакала.

АВТОБУС

1.

«Ну вот и весна», – подумал Сервентиныч, стоя перед окошечком кассы на автовокзале в райцентре. Над окошечком висел вырванный из школьной тетрадки листок со следующим текстом:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

С 19-го марта 19... года автобус до Чувашей не ходит по бездорожью.

В Константинове по бездорожью автобус пока ходил, но деревенские старухи, зная, что через несколько дней над окошечком билетной кассы

появится такой же листок и про их деревню, уже начали производить в райцентре закупки спичек, лапши и соли.

В сельмаге эти продукты имелись, но председатель колхоза, решив с деревенской расчетливостью, что на душе спокойнее, когда продукты лежат на магазинных полках, а не в бабкиных сундуках, шел «навстречу просьбам колхозных пенсионеров» и время от времени для поездки в райцентр выделял колхозный автобус.

Сегодня водителем автобуса был новый, молодой шофер. Пока деревенские старухи, разбредясь по поселку, совершали закупку продуктов, водитель выполняя поручение председателя, заехал в районную поликлинику за ватой и бинтами для медпункта, передал какие-то бумаги районному начальству, плотно пообедал в кафе-столовой и теперь сидел на подкаченной к переднему колесу березовой чурке, довольной жмурясь от лучей весеннего солнца и дыма «беломориной» в ожидании, когда соберутся односельчане.

Напротив автобуса, у колодца, встретились и все никак не могли разойтись две поселковые бабенки. Наконец, одна из них, вспомнив о заквашенном дома тесте, подхватила коромысло и, сообщив напоследок, что их поселок пытается жить культурно, но у него пока ничего не получается, поплыла по улице к дому. – Э, милая! – воскликнула одна из Константиновских старух, начавших собираться к автобусу, – Я шесть лет в городе прожила. Ничего не поняла!

Водитель автобуса докурил папиросу, растер сапогом брошенный на землю окурок, поднялся с чурки и взялся за ручку кабиной дверцы.

– Ну что, все собрались? – обратился он к односельчанам, запрыгнув в кабину.

Сервентиныч посмотрел на часы, которые показывали уже четверть четвертого.

– Погоди! – загалдели бабки. – Николаевны еще нет.

– Где ее черти носят?! – сплюнул в окошко шофер. – Сказано было: в три часа возле автовокзала! Вот уеду, и пусть добирается попутками.

– Как это уедешь?! – возмутились старухи. – Тебе председатель потом уедет!

– Да вон она, Николаевна. Что ругаться-то? – разрядила обстановку Оксана, молодая женщина лет тридцати пяти. – Вам лишь бы покричать.

Николаевна, прижимая к себе увесистую сумку, обходила лужу на противоположной стороне площади.

Водитель запустил двигатель, закрыл двери, после развернулся и, подъехав к старухе, притормозил. Бабка, уцепившись за поручень, залезла на ступеньки. Дверь за ее спиной захлопнулась, и автобус газанул.

В пору осенней распутицы, когда на рейсовые автобусы надежда была слабая: то они ходили, то не ходили (обычно не ходили) – люди по району передвигались, как правило, при помощи «автостопа». Выходили «на зады» поселка, в зависимости от того, в какую сторону нужно было ехать, и останавливали попутные машины. Впрочем, «останавливали» – звучит неверно. Машины останавливались сами, и от водителя, если даже он не мог взять еще одного пассажира, всегда можно было услышать, будут ли еще какие-нибудь машины, и есть ли шанс уехать.

Сегодня «на задах» стоял немолодой уже мужичок и ковырял палкой подтаявшую снежную глыбу. Увидев автобус, мужичок радостно заулыбался, отбросил палку и взмахнул рукой.

Автобус...не остановился.

– Ты почему человека не взял? – возмутились бабки. – В школе плохо учился?

Сервентиныч, отвернувшись к окну, усмехнулся: половина его учеников после окончания школы мечтала стать шоферами.

Автобус остановился.

– Из Константиново он, что ли? – виновато спросил водитель.

– Какая разница? – продолжали воз-

мущаться старухи. – Видишь, человек стоит...

Подбежал, топя сапогами, брошенный было мужик.

– Фу, – выдохнул тяжело, – ну, теперь до дядьки сегодня доберусь.

– А вы чьих будете? – поинтересовалась старуха с переднего сиденья.

– Да Филиппов Кузьма – мой дядька, – сообщил родословную новый пассажир.

– Это ты Федора сын, что ли? – воскликнула Николаевна.

– Смотри, Николаевна, какие от Федора дети получаются! И тебя в свое время в сельсовет звали! – загалдели бабки.

«Ну, теперь до самой деревни будет о чем говорить», – весело подумал учитель. И не ошибся. На следующую жертву, Оксану, разговор переключился, когда автобус шел уже по селу.

Внимание старух привлек мотоцикл с коляской, стоящий в ограде Оксаниного дома. И даже не столько мотоцикл, сколько калитка, заматанная на несколько витков проволоки.

– Смотри: к Оксане жених приехал, – зашептались бабки.

Увидев приближающийся автобус, с крылечка спустилась Оксанина мать, бабка Матрена. Подошла к ограде и принялась разматывать проволоку. У Матрены было такое счастливое, улыбающееся лицо, что автобус проводил Оксану дружным смехом.

– Матрена! Матрена-то счастливая! – комментировала старуха с переднего сиденья, – Жениха задержала, пока дочка в центр ездила.

Автобус снова тронулся и через полста метров затормозил у колхозной конторы.

– Все, приехали, – сообщил водитель. – Я заправляться.

«Ну вот, праздник и кончился, – думал Сервентиныч, спрыгивая вслед за односельчанами со ступеньки у автобусной двери. – Теперь до мая дети будут писать в тетрадь: «В субботу мы пойдем в клуб или в магазин». Да, может, оно и к лучшему. Если автобус – праздник, то праздником и должен

оставаться. А какой же праздник, если каждый день?»

– Праздников каждый день не бывает, – закончил Сервентиныч вслух, открывая собственную калитку.

– Не бывает, – повторил он, обращаясь к хозяйской собаке, вылезшей при его появлении из конуры и приветливо завилявшей хвостом. – Правда, Найда?

2.

Спас Витьку автобус. Когда стальная черепаха выползла на площадь, она первым делом принялась утюжить баррикаду из сваленных в кучу столов, стульев и прочей мебели. Самым внушительным сооружением среди этой кучи мусора был заваленный на бок автобус, внушительным для людей. Витька видел, как сооружалась баррикада. Пригнанный откуда-то автобус, перед тем, как повалить, раскачивало десятка полтора мужиков.

Но что такое автобус для танка? Пластик и битое стекло. Вот на бьющееся стекло Витька и успел среагировать: закрыл затвор и оптику курткой и завалился за кирпичную стенку. Завалился вовремя. Потому что, покончив с автобусом, танк развернул башню в сторону Витькиной крыши и плюнул осколочным, в эту самую стенку и угодившим.

Витьку осыпало кирпичной крошкой и швырнуло вниз, к сливу. «Все, надо уходить», – подумал он. Затем уперся ногой в слив, отпихнул в сторону бесполезную винтовку и. Напрягшись всем телом, прыгнул по направлению к чердачному окошку...

Следующий разрыв догнал Витьку, когда тот наполовину уже был на чердаке. Причем на чердак Витька спускался вниз головой. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно», – думал он. После разрыва, получив в правую ногу порцию осколков, Витька с треском загремел вниз головой. «Все, абзац, Виктор Сергеевич», – мелькнула последняя мысль, и сознание отключилось.

3.

...В приемном покое висело сле-

дующее объявление: «Прием передач ежедневно, с 12 до 14 часов».

Сергей Валентинович машинально посмотрел на часы: была четверть шестого. Затем подошел к откидному сиденью у стенки. Присел.

Минут через пятнадцать в приемный покой вошла сестра, спросила:

– Вы к больному из реанимации?

Сергей Валентинович кивнул.

– Тогда пойдете.

Больничным коридор показался таким длинным, что в конце, при выходе на лестницу, Сергей Валентинович заметил, что членам медперсонала, занимающимся спортом, впору обходиться без стадиона. Медсестра покосилась на посетителя и промолчала

Поднялись на третий этаж.

– Вот эта палата, – сказала медсестра. Открыла дверь, пропуская Сергея Валентиновича первым, вошла следом.

Реанимация была отдельной маленькой комнатой в большой коммунальной больнице. В палате находились две кровати, друг напротив друга. Между кроватями стояли тумбочка и стул. На стенах, над кроватями – два светильника, один с лампочкой, другой без – нее. На спинке одной из кроватей висела серая пуховая шаль. «Ольгина, – подумал Сервентиныч, – значит, кровать ее».

– Ну, я пойду, – сказала медсестра, поворачиваясь обратно к двери.

– Да-да, пожалуйста, – кивнул Сервентиныч.

Из коридора послышалось удаляющееся цоканье каблучков.

Сергей Валентинович присел на Ольгину кровать, посмотрел на соседнюю, вздохнув, подумал: «Доходяга». После улыбнулся:

– Здравствуй, сынок.

Секунду помедлив, спросил:

– Ты меня узнаешь?

Витька лежал, отвернув лицо к стене. Повязки на голове не было, на груди тоже, перевязана была лишь нога. После вопроса Сергея Валентиновича он повернул голову, слабо улыбнулся и кивнул:

– Здравствуй, папа.

Человек на кровати, измученный, больно, слабо напоминал Сервентинычу сына. Этот человек казался не Витькой, в лице которого с детства знакома была каждая черточка, а какой-то частью его. «Эк тебя, – подумал Сервентиныч. – Да если бы только тебя».

О Витькиных приключениях Сергей Валентинович знал почти все. Знал от людей, которым можно было верить, и от людей, которым верить нельзя. Как бы там не было, общая картина происшедших событий имела в мозгу Сервентиныча довольно четкое изображение. Но говорить о них с сыном сейчас он не хотел, да, наверное, и смысла не было: все-таки Витька нырял вниз головой не в воду бассейна, а в песок и шлак чердака, и то, каким образом он умудрился не сломать себе шею, было поистине удивительным. Поэтому обсуждение чердачной истории Сервентиныч решил оставить на потом, сегодня же ограничиться текущими домашними и больничными новостями.

Витька каким-то шестым чувством просчитал ход отцовских мыслей и спросил:

– Как там племянники?

– О, у них сейчас по времени начало вечернего клева, – оживился Сервентиныч.

– Как-как? – переспросил Витька.

– Позавчера я был принужден сделать удочки, – принялся объяснять Сервентиныч. – Сходили с внуком на улицу, срезали с куста у трамвайной линии прутья, потом уже дома, привязали к ним капроновые нитки с магнитом. Теперь утром и вечером в ванную набирается вода, дети ловят железные пуговицы и складывают их в банку. Ты бы слышал, какая в доме стоит тишина!

– Представляю, – кивнул головой больной, – Татьяна, наверное, на седьмом небе.

– Еще бы!

Дверь отворилась, и в палату вошла Ольга. Прошла к своей кровати, опустила сумочку на тумбочку, после оценивающе посмотрела на мужчин.

– Все, Сережа, на сегодня хватит, – решительно заявила она мужу, – у вояки уже глаза закрываются.

Сервентиныч поднялся с кровати, поправил сбившееся одеяло.

– Ну, пока, – кивнул сыну.

– Да, тебя просил зайти заведующий отделением, – вспомнила Ольга, – Прямо по коридору третья дверь направо.

Сергей Валентиныч кивнул и вышел из палаты, секунду помедлил, после негромко постучал.

– Войдите! – послышалось из-за двери.

За столом, стоящим поперек кабинета, спиной к окну, сидел немолодой уже мужчина, примерно одних лет с Сергеем Валентиновичем, с немного бледным лицом.

– Здравствуйте, – поздоровался вошедший, подходя к столу и кладя руку на спинку стоящего возле стула. – Я – отец Верстакова. Вы просили меня зайти?

Приподнявшись из-за стола, врач указал рукой на стул:

– Да-да, садитесь, пожалуйста. Здравствуйте.

Сергей Валентинович сел на предложенный стул, подобрал ноги и впросительно посмотрел на доктора.

– Видите ли, дело в том, что ваш сын – не совсем ординарный больной, – чуть помедлив, начал говорить доктор. – Ну, что нами сделано, вы, наверняка, уже знаете от жены. После выписки из нашей больницы начнется процесс реабилитации. Продолжится он долго – четыре-пять лет, в лучшем случае. Дважды в год необходима будет госпитализация: психотропы, электрофорез, ну и витамины, конечно. Сейчас больной ежедневно получает пираретам. Это сосудорасширяющее, – пояснил невролог.

– Давайте поговорим о том, чем ваш сын займется после восстановления здоровья, – предложил он, секунду помолчав.

– Ну что ж, давайте. Хотя этот вопрос, в принципе, не требует обсуждения, – Сервентиныч невесело усмех-

нулся, распрямил ноги и посмотрел в окно. «Снег пошел», – подумал он мимоходом. После перевел взгляд на собеседника и опять усмехнулся. – В институт он, видимо, поступать не будет: поздно, да и сформировался уже, профессию приобрел. Будет работать кровельщиком.

– Или воевать, – добавил, секунду помолчав. – Это его вторая профессия. И не я виноват, что он ее приобрел. Да и не вы.

– Видите ли, мы с вами с детства усвоили, что жизнь не может быть праздником, – продолжал Верстаков. – Праздник – плата за труд. Но наше поколение так много работало. Что попыталось превратить в праздник жизнь наших детей. Что из этого получилось – вы видите.

– Я с вами согласен в какой-то степени, – сказал доктор, помолчав. – Но только в какой-то степени. Поколение вашего сына – поколение людей будущего. Людей, которых не устраивает настоящее. Так было всегда. Во все времена молодежь стремилась изменить существующий порядок вещей.

– Именно. Изменить, а не получить, лежа на диване, – кивнул головой Сервентиных. – И, видимо, это страшная трагедия нашего времени, что добиваться изменений молодежи приходится с винтовкой в руках.

– Ну что же, – доктор поднялся и вышел из-за стола, – Спасибо, что зашли. Чрезвычайно приятно и интересно было познакомиться.

– Мне тоже, – кивнул головой Сервентиных, поднимаясь со стула.

– У меня только одна просьба, – говорил доктор, провожая посетителя к двери, – Ни о чем не спорьте с сыном, хотя бы в первое время после выписки.

– Постараюсь. Но вы же знаете... – пожал плечами Сергей Валентинович.

– Знаю, – заверил доктор. – Именно потому и говорю, что знаю. Ну что, всего доброго?

Мужчины обменялись рукопожатием, и Сервентиных шагнул за дверь.

Май-июль 1995.

Такова уж природа женщин, что вопрос: «Сколько вам лет?» – абсолютное большинство представительниц этого пола считают неприличным. Иногда, когда этого требует анкета, они на него отвечают. Некоторые, однако, даже в этом случае от ответа более или менее успешно уклоняются. Другое дело – день рождения как семейный праздник. Дома свой возраст скрывать не от кого. Да и как скроешь?..

В это утро Татьяна, проснувшись, позволила себе дольше обычного полежать в постели. За окном незаметно рассвело, и пересыпанный снегом тополь напротив четко обозначился на фоне выросшего за зиму сугроба.

День был воскресный, и, по всей видимости, прошел бы, как проходят все воскресенья в этой маленькой однокомнатной квартирке: в домашних делах, хлопотах, поминутных детских ссорах и заключения мира.

Но сегодняшнее воскресенье выделялось из череды выходных своей незаурядностью: у хозяйки дома был юбилей.

– Ну все, подъем, – решила наконец Татьяна.

После откинула одеяло и села на кровати, нащупывая ногами тапочки.

– С днем рождения, мамочка, – оторвалась от подушки на стоящем у соседней стенки диванчике всклокоченная Витькина голова.

– Спасибо, Витюша, – поблагодарила Татьяна.

– Какой ты еще сонный, – шепнула она, пересаживаясь на диванчик к сыну.

– И лохматый, – добавила Ленка из своего кресла-кровати.

– Сама ты лохматая! – возмущенно воскликнул Витька. – Мама, правда, она лохматая?!

– Лохматая, лохматая, – согласилась Татьяна.

– И она лохматая, и ты, и я – лохматая, – примирила она спорящих. – Так что вы пока лежите, а я пойду умываться и расчесываться.

– С днем рождения, мамочка! – догнало ее уже на пороге ванной Ленкино поздравление.

Улыбнувшись, Татьяна шагнула через порог и прикрыла за собой дверь. Через несколько минут, умывшись, она вошла обратно. Выключила в ванной свет, затем прошла в прихожую к столешнице возле входной двери трюмо. Секунду постояла с расческой, глядя в свое отражение в зеркале. «Боже мой, тридцать пять!», – подумала с грустью. После принялась расчесывать волосы.

... Через час завтракали. На завтрак был фирменный Татьянин «Зимний салат», гренки и чай с молоком.

Прием пищи прошел относительно спокойно, если не считать такой мелочи, как поцарапанная Витькина десна. Покончив с салатом, Витька потянул к себе тарелку с гренками, поддел на вилку жареного хлеба, откусил кусочек и болезненно поморщился:

– Больно, зубов-то нету, как назло выпали... – пожаловался он.

– А ты десны массируй, – подала ценный совет сестра.

Витька покосился было на советчицу, но промолчал. Через минуту на плите зафыркал закипевший чайник, и Татьяна, встав из-за стола, открыла дверцу стенного шкафчика. На столе появились пачка чая, заварочный чайник и плетеная вазочка с пряниками и вафлями.

Витька забыл о десне и заинтересованно уставился на вазочку. Потом улыбнулся и с каким-то врожденным обаянием прошептал:

– Ах, мама, как я люблю пить чай с вафлями и с тобой.

– Нет, – фыркнула Ленка, – я точно не доживу до двадцати лет!

– Ты даже до пятнадцати не доживешь, – пообещал Витька.

– Знаете что, – оборвала Татьяна развитие конфликта в самом начале. – Пьем чай, и выметаетесь на улицу! Чтобы до прихода гостей я вас не видела!

Завтрак закончился в тишине. До-

пив чай, дети вылезли из-за стола и принялись собираться гулять. Наконец собрались, и Татьяна, выпроводив обоих за дверь и перебив посуду, присела на стоящую у окна табуретку. Потом, протянув руку, открыла дверцу холодильника, критически осмотрела содержимое.

«Ну что, начнем с салатов, – решила она. – А родители с Витей придут, тогда быстренько на стол накроем».

За кухонными хлопотами время шло незаметно. Татьяна, напевая, строгала на терке сыр, когда динамик на стенке объявил о том, что уже ни много, ни мало, два часа пополудни. «Господи, надо же переодеться!» – спохватилась именинница. Отложив терку и кусок сыра, Татьяна принялась развязывать за спиной фартук, и как раз в это время раздался звонок в дверь.

– Ну вот, как всегда, – произнесла Татьяна вслух с легкой досадой.

– Иду-иду! – откликнулась она на повторный звонок и поспешила в прихожую.

На пороге стояли родители.

– Поздравляем вас, Татьяна Сергеевна, с днем рождения, – весело приветствовал отец, протягивая имениннице обернутые в целлофан гвоздики.

– А это к чаю, – добавил он, передавая хозяйке торт, который держал в другой руке.

– Спасибо, – Татьяна отступила в сторону, пропуская гостей в прихожую.

После расцеловалась с матерью.

– С днем рождения, Танюша, – присоединилась та к поздравлениям мужа, смахивая невесть почему навернувшуюся слезу.

– Ну вот, имениннице сегодня только твоих слез и не хватало, – заметил отец, помогая супруге снять пальто. – Ты что это, Оля?

– А, не обращайтесь на меня внимания, – Ольга, стащив пуховый платок, встряхнула головой, рассыпая по плечам каштановые волосы. – Все женщины устроены одинаково. Таня вот, наверное, думает о том, как много

лет ей сегодня исполняется. А о чем думаю я, глядя на нее?

– Правильно, – перебила она открывшего было рот мужа. – О том, как мало ей исполняется.

– И завидуешь черной завистью? – вставил-таки реплику в ее монолог Сергей Валентинович. – Завидуешь-завидуешь, не скрывай!

– А я и не скрываю, – пожалала та плечами.

– Запомни, Таня, – обратилась Ольга к дочери. – Если твой возраст еще является предметом зависти, ты – счастливый человек.

– Ну вот за это мы сегодня и выпьем, – заключил Сергей Валентинович.

– Давайте, показывайте, что нужно делать, – потребовал он, проходя на кухню.

В дверь снова позвонили.

– Витя, – определила Ольга. – Мы вообще вместе шли, но он по дороге к своему другу Пашке завернул. Иди, Таня, открывай.

Татьяна поспешила к двери и через минуту уже вырывалась из объятий брата.

– Пусти, медведь! – притворно сердилась она, колотя Виктора кулаками по спине. – Пусти, задушишь!

Виктор попытался было покружить сестру. Но вскоре опустил ее на пол: в прихожей было тесновато.

– Ну ладно, семейные приветствия закончены, – сообщил он. – Переходим ко второй части.

Вторая часть состояла из торжественного поздравления именинницы и вручения ей подарков: большой чеканки на стену и бутылки шампанского. Выполнив намеченную программу, Виктор, наконец, пришел к выводу, что нужно раздеться.

– А где племянники? – поинтересовался он, стаскивая с плеч полушубок.

Словно в ответ на его вопрос незапертая входная дверь приоткрылась, и на пороге показался Витька-младший, пересыпанный снегом.

– Вот, одного вижу, – констатировал Виктор.

– А, вот еще одна, – добавил он, глядя, как через дверной порог перекачивается новый снежный ком.

– Дедушка! Бабушка! Дядя Витя! – с шумным восторгом принялась перечислять Ленка.

– Вы где это так вывалялись? – спросила Татьяна, скептически наклонив голову.

– Ты переодевайся, переодевайся, – посоветовал Виктор сестре. – Мы сами разберемся.

Пока Виктор при помощи веника приводил племянников в надлежащий вид, а затем раздевал их, Татьяна успела переодеться в синее сатиновое платье.

– Вот, другое дело, – заметил брат, оценивающе окидывая ее взглядом, когда Татьяна вышла из комнаты. – Я так думаю, вполне можно влюбиться.

– Что-то ученики не влюбляются, – усмехнувшись, заметила Татьяна.

– Огорчаешься? – ехидно поинтересовался Виктор.

– Да нет. Проблем меньше. Закрой рот, – без перехода обратилась она к дочери. – И проходи на кухню – бабушке помогать.

– Да, Таня, помогать-то уже нечего, – откликнулась из кухни Ольга. – На стол нужно накрывать.

– Со столом мы сейчас разберемся, – пообещал Виктор, проходя в комнату.

– Папа! – позвал он отца. – Иди, стол поставим!

– Сейчас-сейчас! – откликнулся Сергей Валентинович.

Пока мужчины отодвигали стол от стены, устанавливали его на середине комнаты напротив Витькиного дивана, а Татьяна руководила этим ответственным мероприятием, оставленные в коридоре дети притихли. Ленка, воспользовавшись занятостью матери, начала, прихорашиваясь, накладывать себе тени на глаза. Витька некоторое время наблюдал за ее занятием, наконец, не выдержал:

– Дай попробовать, – шепотом попросил он.

– Нет, те же знаешь, мальчики не мажутся, – возразила сестра.

– Тань! – окликнул хозяйку от-
правленный на кухню за посудой Вик-
тор-старший, – Ленка твоими тенями
нашпандорилась!

Татьяна, всплеснув руками, выбе-
жала из комнаты.

– Ну, Витя, зачем ты? – упрекнула
Ольга.

– Значит так! – послышался из при-
хожей грозный Татьянин голос.

– Иди, позови ее, – велела Ольга
сыну.

– Сейчас, – улыбнулся Виктор.

– Таня, тебя мама зовет, – окликнул
он сестру, высунув голову за дверь.

– Иду, – откликнулась женщина.

– Ладно, сейчас некогда, а потом
поговорим, – пообещала она дочери.

– На, неси, – распорядилась Ольга,

предавая сыну плетеную подставку с
нарезанным хлебом. – Горе мне с вами.

Виктор пожал плечами и, разми-
нувшись с сестрой, прикрыл за собой
кухонную дверь.

– Ябеда-корябеда, – прошептала
Ленка, когда дядя проходил мимо нее
в комнату.

– Ну и что? – пожал Виктор плеча-
ми. – Пусть ябеда, но попало-то тебе!
В этот момент в дверь позвонили.

– Лена, открой! – крикнула Татьяна
из кухни.

Ленка щелкнула замком, приот-
крыла дверь и в следующую секунду
восторженно завизжала:

– Папка!

Апрель-май 1996